

18. ЦДРОССО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 454. Л. 1-26.
19. Там же. Л. 7.
20. Trewin J. House of Special Purpose. New York, 1982. P. 64.
21. Центральный архив Министерства безопасности Российской Федерации. Коллекция документов по делу Романовых.
22. Архив Свердловского управления Министерства безопасности Российской Федерации. Коллекция документов по делу Романовых.
23. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1169. Л. 8.
24. Дитерихс М.К. Убийство царской семьи и членов Дома Романовых на Урале. Владивосток, 1992. Ч. 1. С. 17.

Гибель царской семьи: мифы и реальность (Новые документы о трагедии на Урале). Екатеринбург, 1993. С. 6-17.

Версии и факты

Гибель царской семьи вызвала волну откликов во всем мире, нахлыты которой не ослабевают с течением времени. Более того, они усилились в последнее время в связи с кардинальными преобразованиями в России. Сегодня важно подвести хотя бы краткий итог опубликованного ранее, отсеять фальшивые версии и со свежими фактами в руках утвердить истинные для того, чтобы в свете новых реалий правильно понять свершившееся три четверти века назад.

Первые и важные публикации появились в 20-х гг. Это книги Р. Вильтона¹, Н.А. Соколова², М.К. Дитерихса³, П. Жильяра⁴, С.С. Смирнова⁵, Мельник-Болткиной⁶ опубликованные за пределами большевистской России. Они основывались на первоисточниках, полученных в ходе колчаковского следствия по делу о расстреле Романовых, и личных наблюдениях авторов. Близки к названным по идейной направленности были точки зрения В. Гурко, В. Иванова, И. Мейера, игумена Серафима и других⁷, базировавшиеся на тех же источниках и, как правило, существенно их не дополнявшие.

Тогда же увидели свет первые материалы на эту тему в печати Советской России⁸. В большинстве своем они были антиподами приведенным выше, ибо авторы их участвовали в тех же

событиях, но находились в противоположном лагере. Названные публикации имеют и нечто общее. Во-первых, их авторы зачастую — непосредственные свидетели и участники событий, стояли у их истоков, располагали целыми первоисточниками и документами, освещали факты фундаментально, без излишних фантазий, хотя и сквозь призму собственных политических пристрастий. Во-вторых, все эти книги вскоре после выхода из печати стали достоянием спецхранов и более полувека не были известны широкой читательской аудитории, но крайней мере в СССР. Только в 90-х гг. они вновь были переизданы в России, и наконец нашли путь к своему читателю. Попробуем хотя бы бегло рассмотреть наиболее важные из них.

Самая содержательная — книга Н.А. Соколова, судебного следователя по особо важным делам Омского окружного суда, назначенного Колчаком для расследования обстоятельств убийства царской семьи. Он выполнил огромную работу на Урале и в Сибири, а позднее продолжал ее за рубежом до последних дней своей жизни. Автор придавал своей работе большое значение, считал ее важной для будущего Отечества, но расценивал как юридическую, а не историческую. Он писал: "Я никогда не мыслил и менее всего теперь претендую выступить в роли исторического исследователя"⁹

Н.А. Соколов сформулировал ряд принципиальных соображений по делу о расстреле царской семьи, которые до сих пор служат основой многих исследований на данную тему. Прежде всего, это вывод о том, что была расстреляна вся семья. Такой вывод имел не только юридическое, но и политическое значение. Он активно поддерживался колчаковцами и представителями ряда европейских династий и служит в настоящее время базой для исследования предполагаемых останков царской семьи, найденных летом 1991 г. под Екатеринбургом.

Несмотря на недостаток подлинных советских документов, Н.А. Соколов пришел к правильному заключению: "Нельзя думать, что Екатеринбург самовольно не подчинился Москве и сам задержал государя. Подписывая одной рукой полномочия Яковлева, Свердлов другой рукой подписывал иное. Задержала царя в Екатеринбурге, конечно, Москва. Свердлов обманывал немцев, ссылаясь на мнимый предлог неповиновения Екатеринбу-

бурга"¹⁰ Собрав огромный следственный материал непосредственно о расстреле, Соколов пришел к категоричному выводу: "Судьба царской семьи была решена не в Екатеринбурге, а в Москве"¹¹. Этот вывод подтверждается публикуемыми нами документами.

Расследование Соколова исключает вероятность вывоза семьи или отдельных ее представителей в какое-то другое место на том основании, что в доме Ипатьева остались самые необходимые для них вещи, в частности все лекарства наследника и иконы, с которыми никогда не расставалась Александра Федоровна, в частности, Федоровской Божьей Матери. По показаниям Чемодурова: "Лишить императрицу этой иконы было бы равносильно лишить ее жизни"¹².

Вместе с тем далеко не со всеми суждениями Соколова можно согласиться. Оценивая деятельность комиссара Яковлева, вывозившего царя из Тобольска, он утверждает: "Будучи враждебен намерениям большевиков в отношении царя, он был посланцем иной, небольшевистской силы"¹³. Наши материалы полностью опровергают такую точку зрения.

К числу неудач Соколова надо отнести и неспособность, точнее невозможность, обнаружить в те годы трупы расстрелянных, что не позволило доказать наличие преступления, довести следствие до конца и на долгие годы оставило в подвешенном состоянии уже добытые доказательства. Эта задача, возможно, была бы решена, если бы следствие не было сорвано военными действиями на Восточном фронте.

Материалы Соколова органично дополняет М.К. Дитерихс, который сыграл важную роль в расследовании убийства царской семьи. Боевой генерал, командующий Восточным фронтом у Колчака, он был глубоко предан старому режиму и старался сделать все зависящее от него для установления истинной причины гибели царственных особ. Дитерихс во многом повторяет выводы и материалы Соколова. Он также считает, что погибла вся семья, а решение о ее уничтожении принято в Москве.¹⁴ Убийство царской семьи и других членов дома Романовых генерал расценивает как "преступления идейные, фанатичные, изуверские, но совершившиеся скрытно, в тайне, во лжи и обмане"¹⁵. Виновником этих преступлений он считает широкое пред-

ставительство в органах Советской власти лиц еврейской национальности, которые якобы чинили произвол по отношению к христианам вообще и их верховным руководителям, в частности¹⁶

Отличительная особенность работы Дитерихса и ее ценность заключается в том, что она дает богатейшие сведения по материалам расследований, предшествующих Соколову, то есть вводит читателя в круг представлений, которые стали складываться с первых дней занятия Екатеринбурга белыми и начала следственных действий, связанных с гибелью царской семьи. Например, жена свидетеля расстрела Павла Медведева рассказывает автору книги со слов своего мужа, что всего было убито 12 человек, в том числе царь, царица, наследник, все князья и слуги¹⁷. Она привела также страшные детали, которые подтверждаются впервые публикуемой нами наиболее яркой частью исповеди организатора расстрела Я. Юровского.

Однако в это время, наряду с обнаружением реальных фактов преступления, начинают, как грибы после дождя, плодиться самые невероятные версии не только гибели, но и чудодетского спасения августейших особ. Источником такой информации были, как правило, свидетельские показания, приводимые Дитерихсом, от имени второго или третьего лица по типу: кто-то что-то видел и кому-то о чем-то рассказал. Такому "испорченному телефону" не приходится удивляться, потому что основные участники событий ушли с частями Красной Армии, а второстепенные в силу своих возможностей сообщали то, что осталось от свидетельства очевидцев. Так зародились мифы о спасении Анастасии или других сестер, Алексея и даже самого Николая II¹⁸. Поскольку трупы не были обнаружены, то вещественных доказательств преступления не существовало. Между тем семья исчезла. Поэтому возникла питательная среда для необузданных фантазий.

Сам Дитерихс утверждает, что у невинно убиенных Исаак Голошекин отделил головы, которые были заспиртованы и в трех тяжелых ящиках доставлены в Москву. В подтверждение такого вывода он ссылается на то обстоятельство, что в кострищах, где якобы сжигались тела, не было обнаружено зубов, которые горят хуже всего¹⁹. С таким аргументом никак нельзя со-

гласиться потому, что в то время вообще не было обнаружено никаких останков, в том числе, естественно, и зубов. В захоронении, вскрытом в 1991 г. под Екатеринбургом, найдены не только зубы, но и черепа. Если будет доказано, что они принадлежат царской семье, то миф об отрезанных головах развеется сам собой.

Материалы Соколова и Дитерихса дополняет английский журналист Р. Вильтон, который работал вместе с ними, а позднее вывез за границу один из экземпляров следственного дела Соколова. Как и подобает литератору, Вильтон прежде всего стремился очертить характер действующих лиц романовской трагедии, и это ему удалось. Он много внимания уделяет характеристике личности Николая Александровича, Александры Федоровны и других. Причиной гибели царя Вильтон считает его несогласие сотрудничать с немцами, которые якобы готовы были восстановить его самого или сына на российском престоле с тем, чтобы мобилизовать силы для разгрома Антанты. К этому тезису он обращается неоднократно, приводя разные доказательства²⁰.

Вслед за Соколовым и Дитерихсом Вильтон живо рисует леденящую душу картину гибели царской семьи, сокрытия ее останков в урочище Четырех Братьев и маскированную дезинформацию по этому поводу. Судя по контексту, он считает, что в Екатеринбурге погибла вся семья бывшего императора, а исполнителями приговора были преимущественно лица нерусской национальности.

К вышеназванным работам примыкает публикация П. Жильяра, основывающаяся преимущественно на личных впечатлениях от трагических событий, к которым он имел косвенное отношение. Бывший воспитатель наследника Алексея Пьер Жильяр написал интересную книгу о царской семье, но ее трагический конец он наблюдал только со стороны. По приезде в Екатеринбург его отделили от семьи, и он вынужден был жить на станции в железнодорожном вагоне, а потом уехал в Сибирь. О расстреле Николая Романова он узнал в Тюмени и вернулся в Екатеринбург только после взятия его белыми. По свежим следам событий Жильяр посетил места, связанные с гибелью семьи,

вместе со следователями собрал богатую информацию и вещественные доказательства о кровавых событиях.

Он наблюдал следы пуль и штыков в подвале Ипатьевского дома, видел обгорелые предметы, принадлежащие семье, разговаривал со многими очевидцами событий в городе и Коптяковском лесу. В результате пришел к выводу, что уничтожен не один император. Наблюдательный психолог отметил, как большевистские агенты пытались увести следствие в сторону от поисков трупов императрицы и детей. С его точки зрения, такая цель была частично достигнута, так как колчаковский следователь Сергеев потерял драгоценное время и был далек от понимания, что следует ложным путем²¹. После того, как следствие перешло в руки Соколова, Жильяр много помогал ему, и они вместе пришли к выводу, что трупы надо искать в Коптяковском лесу, поскольку большевики не зря провели там три дня и три ночи и не просто жили одежду своих пленников²².

Ссылаясь на тома следственного дела Соколова, Жильяр утверждает, что германский кайзер склонялся к реставрации монархии в России при условии, что она примет сторону Германии, но Николай II не пожелал предавать союзников и в результате оказался в екатеринбургской ловушке²³. По мнению Жильяра, гибель семьи была предreshена в Москве. Не случайно за два дня до объявления о расстреле Юровский приглашал в Ипатьевский дом священника²⁴.

Судя по тексту книги, ее автор также является сторонником той версии, что погибла вся семья. Он пишет, что Великая княгиня Анастасия пала под ударами штыков. А однажды в Омске ему представили молодого человека, который выдавал себя за наследника Алексея. Учитель не признал в нем своего воспитанника и горестно заметил, что случай поставил на его пути первого из неисчислимого количества претендентов на русский престол²⁵.

Точка зрения Т. Мельник-Боткиной является продолжением позиции П. Жильяра. Ее мемуары в основном охватывают дореволюционный — частично Губольский и частично Екатеринбургский — период жизни царской семьи. Особенно ценным, однако является то, что она объективно подходит к оценке участия Б. Соловьева (зятя Распутина) в попытке спасти бывшего импера-

тора из Тобольского заточения. Автор отмечает, что Соловьев вел двойную игру как с монархистами, так и с большевиками, пытаясь при этом извлечь собственную выгоду. Таким образом, он не оказал никакого содействия в освобождении царских узников²⁶. Достойным внимания является и тот факт, что Мельник-Боткина первая среди исследователей поднимает вопрос о судьбе царских драгоценностей. Она отмечает, что драгоценности были переданы полковнику Кобелинскому и в Ивановский женский монастырь, часть из них была извлечена из оураны и зашита в одежды неликих княгини.²⁷

В качестве ответа на западные публикации следует рассмотреть и книгу П.М. Быкова, выпущенную в 1926 г. в Свердловске, переизданную в 1930 г. в Москве и вскоре угодившую в спецхран. Будучи первым председателем исполкома Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов, членом Уральского областного Совета в 1917-1918 гг., автор книги хорошо знал обстановку на Урале в те годы и располагал достоверной информацией, связанной с гибелью царской семьи. Ему не откажешь в наблюдательности, содержательности и живости повествования. Однако далеко не все его выводы и оценки событий можно принять на веру прежде всего потому, что они покоятся на безраздельно господствовавшем в те годы классовом подходе к событиям. Крушение царизма и всего связанного с ним, даже гибель безвинных детей императорской фамилии, воспевалось тогда как высшее проявление пролетарской революционности, а следовательно — целесообразности.

Четыре пятых книги посвящено событиям, связанным со свержением династии Романовых и их пребыванием под арестом в Царском Селе и Тобольске. Оценка реальных фактов дана здесь сквозь призму представлений первых послереволюционных лет и грешит не только абсолютизацией классового подхода, но и фактическими погрешностями, которые в значительной степени преодолены в последующих трудах историков. Мы не касаемся детально этой стороны вопроса, поскольку нас интересуют преимущественно сюжеты, связанные непосредственно с екатеринбургской трагедией.

В этом аспекте Быковым приведены весьма важные сведения. Он, в частности, констатирует, что, по имеющимся у него

данным, комиссар Яковлев просил у ВЦИК разрешения увезти бывшего царя к себе на родину, в Уфимскую губернию, и скрыть "в горах", но это предложение было отвергнуто²⁸. Между тем участники VII Уральской областной конференции РКП (б), состоявшейся в канун прибытия Николая II в Екатеринбург, высказались за скорейший расстрел Романовых, чтобы исключить попытки их освобождения и восстановления монархии в России²⁹.

Быков откровенно пишет о том, что на одном из своих заседаний Уральский Совет единодушно высказался за расстрел Николая Романова, но не хотел брать на себя ответственность без предварительных переговоров по этому вопросу с Центром. Тогда было решено командировать в Москву Голощекина, чтобы поставить вопрос о судьбе Романовых в ЦК партии и Президиуме ВЦИК. Последний предложил организовать суд над бывшим царем в Екатеринбурге в конце июля³⁰. Ко времени возвращения Голощекина в Екатеринбург стало ясно, что для организации суда нет времени, потому что город не сможет долго продержаться под натиском белых. Тогда областной Совет решил Романовых расстрелять, не ожидая суда над ними, что и было сделано. В результате погибла вся царская семья вместе с приближенными, всего 11 человек³¹.

В книге приводится ориентировочное место захоронения трупов — район Коняковской дороги (урочище "Четырех Братьев", "Таннина Яма"), т.е. там, где следы преступления искал колчаковский следователь Соколов³². Автор резюмирует кровавые события следующим характерным для того времени заключением: "Своей победой над последними защитниками монархизма трудящаяся Россия еще глубже вогнала острый кол в могилу династии Романовых, и какие бы меры ни принимали оставшиеся в живых охвосты этого дома за границей, покойника из могилы не воротить"³³.

Большинство последующих изданий представляло собой разного качества западные вариации на данную тему без существенного пополнения новыми материалами, поскольку получить их из Советской России было невозможно, а зарубежные источники практически исчерпались. Всю эту литературу можно условно разделить на две части. В первую входят произведения,

вышедшие из-под пера русской эмиграции³⁴, во вторую — разработки западных ученых и журналистов³⁵.

Проследим позиции авторов той и другой групп на примере конкретных публикаций. Первая группа публикаций представлена работами таких авторов как Г. Боткин, П. Булыгин, С. Мельгунов и Д. Тренин, а так же трудами Архимандрита Константина и С. Позднышева. Они привлекают богатством собранного по интересующей нас проблеме материала. Публикация Боткина основывается на его собственных суждениях о семье Романовых, рассказах его родителей и впечатлениях от встреч с предполагаемой дочерью царя Анастасией в Европе и США. Его книга разделена на две части. Таким образом, она содержит описание жизни Романовых в дореволюционный и после революционный периоды, включая их пребывание в Тобольске и Екатеринбурге. Очень большое внимание уделяется судьбе Анастасии. Автор склоняется к мнению, что она сумела бежать из Ипатьевского дома с помощью красноармейца Чайковского. Ходили слухи, что он стал ее мужем и отцом ее ребенка. Позднее Боткин заберет ее из Европы в США, и таким образом, будут разрушены ее связи с родственниками, которые могли бы подтвердить ее происхождение. Безусловно, все это очень интересно, однако страдает незначительным количеством доказательств.

П. Булыгин, как член группы, расследующей обстоятельства гибели царской семьи, представляет в своей работе наиболее ужасающую картину убийства. На формирование его образа мышления повлияли "Венгерские преступники" и "Платыши". В этом собирательном образе он увидел представителей международного коммунизма, возглавляемого людьми, слепо преданными В. Ленину, таких как Р. Голощекин, П. Войков и Г. Сафиров³⁶. Как утверждает Булыгин, Ленин "был убийцей, а все остальные просто находились под его влиянием"³⁷. Подобное утверждение не подтверждается какими-либо свидетельствами.

Согласно другой версии автора, немцы якобы пытались спасти Романовых посредством подписания Брестского договора. Она также нуждается в дополнительной аргументации. Можно согласиться, что немцы были действительно заинтересованы в подписании договора, чтобы предотвратить распростране-

ние русской анархии на их территорию. Но едва ли возможно принять мнение, что "правительство Виллгелдта планировало восстановить монархию в России, и если бы династия была чудом спасена, она не смогла бы впоследствии относиться враждебно к своим спасителям"³⁵. Не исключено, что Кайзера посещали подобные мысли, но Булыгин не предоставляет никаких свидетельств. В подтверждение своей версии он даже не может сослаться на текст Брестского договора просто потому, что там нет соответствующих статей. Кроме того, известно, что Николай II сам был против данного договора.

Масштабный труд С. Мельгунова "Судьба императора Николая II после его отречения" представляет собой историческое критическое эссе, в котором анализируются различные точки зрения Н. Соколова, М. Дитерихса, А. Керенского, В. Гурко, П. Быкова и др. относительно событий, связанных с гибелью царской семьи. Отдавая должное ряду серьезных работ, он в то же время отмечает, что в последние годы данный вопрос вызывает множество комментариев со стороны непосредственных и косвенных свидетелей событий и в их показаниях очень много "фантастического вымысла"³⁹.

Мельгунов разделяет мнение Булыгина о том, что, находясь в Tobольске, Николай II был под "наблюдением" немцев. Здесь было использовано старое и проверенное средство: через шлюзна была получена бумага с печатью, подтверждающую это у Распутина. (?) Более того, "тактические методы" немцев настолько тесно переплетались с большевистскими, что Б. Соловьев (зять Распутина), служа по необходимости первым, служил так же и последним⁴⁰. Согласно позиции Мельгунова, царь считал, что "немцы хотели установить в России такой режим, при котором у них будет возможность использовать российские природные ресурсы для продолжения войны с Антантой. Для этого было необходимо оказать влияние на царя и обеспечить условия для передачи трона его сыну"⁴¹. Вступая в полемику с Гурко и другими авторами относительно сути переговоров между большевиками и немцами во время июльского кризиса 1918 г., Мельгунов резко заявляет: "Помня убийство Мирбаха, немцы были более озабочены Украинским хлебом и сахаром, Кавказской нефтью, чем судьбой монарха, который должен был быть

на передовой линия национального движения, а вместо этого находился под арестом в Екатеринбурге"⁴²

Он утверждает, что судьба царской семьи была неразрывно связана с хроническим кризисом, в котором пребывали большевики. По его мнению, весной 1918 г. Советская власть начала предпринимать меры по подготовке к эвакуации на Урал. И не только золотые запасы, но и пленники, включая Романовых, переносились на Урал⁴³. Соответственно, он приходит к выводу, что убийства в Екатеринбурге и Алашайевске - это звенья одной цепи.

Исследования вопроса о принятии решения о расстреле царской семьи и его исполнения проводились на основе информации, полученной из признаний не совсем трезвого П. Войкова, сделанных в новогоднюю ночь 1925 г. В то время он был советским полномочным представителем в Польше, а ранее занимал пост комиссара по продовольствию на Урале. Также были привлечены комментарии бывшего председателя Уралсовета А. Белобородова. Только эти источники содержат опубликованные данные, исходящие от непосредственных участников этой кровавой драмы. Таким образом, следует, что решение о расстреле царской семьи было принято Уралсоветом, после того как оно получило подтверждение в Москве и было передано через представителей центра на Урале Якова Свердлова и Николая Крестинского. Центральные власти действовали таким способом, потому что опасались возможности попадания царя в руки Антанты через белых или чехов⁴⁴. Автор рассматривает и другие точки зрения, но в итоге приходит к единственному, на наш взгляд, правильному выводу: "Все эти предположения в одинаковой степени беспочвенны, т. к. они не основаны на фактах, которые можно было бы подтвердить"⁴⁵. Даже сейчас, полвека спустя, очень сложно установить реальные факты, и вопрос о том, кто приказал расстрелять царскую семью, остается открытым.

Мельгунов прав, привлекая внимание к тому факту, что скудная и неполная информация о гибели царской семьи от официальных советских органов и неудача попытки отряда Колчака найти тела убитых не могут не породить серию мифов о тайственном спасении некоторых, а может быть, и всех чле-

нов семьи. Может быть, он и не ошибается, предполагая, что все эти мифы были преднамеренно распространены большевистскими агентами, чтобы ослабить напряжение внутри страны и ввести в заблуждение мировое общественное мнение. В этом же контексте он трактует вопрос, связанный с головой царя, якобы доставленной в Москву в спиртовом растворе как часть материального доказательства того, что император был казнен⁴⁶. Никто из исследователей, однако, не преуспел в доказательстве или опровержении данной версии. В то же время распространяются слухи, что охота за головой царя до сих пор продолжается; считается, что тот, кто обладает головой российского монарха, владеет миром.

Завершая рассмотрение работы Мельгунова, хотелось бы отметить, что хотя он весьма детально и основательно анализирует и критикует работы предшественников, к сожалению, так и не выдвигает собственной альтернативной версии случившегося. Но всей видимости, это происходит потому, если принять его позицию, что отсутствуют проверенные свидетельства, раскрывающие все тайны драматической истории последних дней несчастного императора и его семьи, проведенных в "столице Красного Урала"⁴⁷.

В связи с 25-летием гибели царской семьи в Харбине в 1943 г. опубликована работа профессора и священника К. Зайцева под названием "В память о последнем императоре". Четверть века спустя, в Джорданвилле (США) был издан этот же текст в виде брошюры под авторством Архимандрита Константина. Он не содержит каких-либо новых фактов относительно гибели царской семьи, но представил интересную интерпретацию данного события. Автор пишет: "С отречением царя, с опустением трона и изгнанием династии, с мученической гибелью царской семьи Россия перестала существовать"⁴⁸. Небезынтересен и его взгляд на то, кто непосредственно исполнял приговор, вынесенный царской семье. "С большевиков как с гуся вода! Но они всего лишь произнесли последнюю букву в ужасном алфавите не собственного сочинения"⁴⁹. Но остается непонятным, чье же, в конце концов, это было изобретение. Однако перспектива для России в брошюре вырисовывается достаточно четко: "До тех

пор, пока Россия не пройдет путь духовного возрождения, она не сможет вернуться в сообщество цивилизованных стран"⁵⁰

В это же время и по этому же случаю С. Позднышев написал работу "Негаснущий свет"; ее публикация задержалась на пять лет в связи с немецкой оккупацией. Целью работы было создание образа Николая II как личности, наделенной высокими моральными и интеллектуальными качествами, которые были проявлены в отношении к Родине и Православной церкви. По мнению автора, грех царевубийства пад на весь русский народ и никакое раскаяние, ни лживые извинения не смогут его искупить. Книга в подробностях повествует о том, как 25-летие со дня убийства царской семьи отмечалось в различных городах Европы.

Монография Д. Тревина "Дом особого назначения" вышла в свет гораздо позже вышеупомянутых работ, но также принадлежит к категории публикаций, базирующихся на воспоминаниях тех, кто тем или иным образом был вовлечен в Екатеринбургскую трагедию. Она представляет собой интерпретацию трагических событий в Екатеринбурге по материалам наставника царских детей Сиднея Гиббса, который вместе с Соколовым собирал сведения о гибели императорской семьи и переправлял эти материалы в Европу.

Тревину пишет, видимо, со слов Гиббса, о том, что ящик с вещественными доказательствами, в том числе с тринадцатью каплями крови августейших особ и пальцем царицы, помещенными в спирт, хранился в семейной усыпальнице французского генерала Жювена⁵¹. Он же сообщает со ссылкой на миллионера Скидельского, родственника Троцкого, что жена последнего получила в подарок от своего мужа кольцо со светло-голубым алмазом, якобы принадлежавшее дочери царя Татьяне⁵².

Тревин разделяет вывод Соколова о том, что вся императорская семья погибла в Екатеринбурге, а случилось это по распоряжению Москвы, принятому под давлением немцев⁵³. Вместе с тем он приводит многочисленные версии о чудотворственном спасении отдельных ее представителей, причем многие из них заведомо ложные. Так, еще в конце 1917 г. в одной из американских газет появилось сообщение о том, что Татьяна Николаевна пересекла Атлантику и оказалась в Новом Свете. В действи-

тельности же она в то время сидела рядом с Гиббсом в гостиной губернаторского дома в Тобольске и читала заметку о самой себе⁵⁴. Из этого факта автор книги делает вывод, что после действительной гибели семьи появился неограниченный простор для буйной фантазии на царскую тему.

В этом ключе он рассматривает и свидетельства лже-Анастасии, которая в подтверждение своего знания мельчайших подробностей жизни императорской семьи и ее окружения сообщала, что Гиббе хромает, тогда как к этому не было никаких оснований, о чем он с сарказмом писал своим друзьям⁵⁵. Тревин резюмирует, что как только начинаются вымыслы, их уже нельзя остановить, а распространялись они, по его мнению, из Екатеринбурга и находили питательную почву в народе, считавшем царя божьим избранником, который не мог так просто погибнуть и потерять законное право на престолонаследие.

Из второй группы публикаций наиболее типичными являются книги Б. Паресса "Падение Российской монархии", Н. Франкланда "Корона трагедии. Николай II", Р. Масси "Николай и Александра", Г. Ричардса "Охота на цзя", Г. Нулла "Заговорщик, спасший Романовых" и А. Саммерса, Г. Монгольда "Досье Романовых". Первая потому, что она представляет уровень разработки проблемы в 30-е гг., а вторая — в 70-е гг.

В большой книге Паресса основательно и детально прослежены главные события последнего царствования, начиная с восшествия на престол Николая II и кончая его отречением. Гибели же семьи посвящено всего несколько страниц эпитафия, и то основанных на старых материалах, хранившихся у русской эмиграции. Вместе с тем автор высказывает ряд соображений, которые заслуживают внимания. Вывоз царя из Тобольска в западном направлении он объясняет требованием немцев, которые якобы после заключения Брестского мира диктовали свои условия Советскому правительству⁵⁶. У бывшего императора, по мнению Паресса, была мысль, что по приезде в Москву семью выплотит из России в Швецию или скорее всего в Данию, к родственникам⁵⁷. Надо отдать должное проницательности автора относительно того, что комиссар Яковлев выполнял указания Свердлова, а не вел собственную игру по спасению императорской семьи⁵⁸. Сцена расстрела в анализируемой монографии воспроизводится

в духе широко известных описаний Соколова и Быкова. При этом есть основания считать, что Парес склоняется к версии о полной гибели семьи⁵⁹.

Хотя у книги Н. Франкланда претенциозное название, в информационном плане она не содержит ничего нового. Он повторяет всем известные факты, но приходит к четкому выводу: "Никто не сомневается, что судьба Николая и его сына была предопределена в эту ужасную июльскую ночь 1918 г. Не остается сомнений и в том, что они разделили свою участь с царицей, на роль которой никто впоследствии не осмеливался, да и не хотел претендовать, и великих княгинь"⁶⁰. Автор ошибся только относительно судьбы К. Юрковского, о котором после того, как он уехал в Москву, больше никто не слышал. По всей вероятности, он исчез так же безвозвратно, как он желал того царю⁶¹. В действительности же, и тому есть подтверждения, он нигде не исчезал, а поделился с миром тем, что он совершил, хотя и в абсолютно таинственной форме.

Известная книга Роберта Масси, посвященная семье русского императора, содержит богатый материал по истории России, но последний акт трагедии излагается схематично, видимо из-за отсутствия новой информации. Тем не менее, некоторые выводы, к которым приходит автор, заслуживают внимания. Более того, они были приняты его последователями. Масси пишет, что "в Уралсовете никогда не было сомнений относительно того, что делать с Николаем" "Вскоре после его прибытия в Екатеринбург, Совет единогласно принял решение о его казни. Однако, не желая брать ответственность за это на себя, Совет послал Голощекина в Москву, чтобы узнать мнение центрального правительства по этому вопросу... Приехав, Голощекин выяснил, что лидеры еще не приняли окончательное решение относительно дальнейшей участи царя; они до сих пор рассматривали предложение Троцкого - устроить в конце июля публичный суд, где в качестве обвинителя выступал бы сам Троцкий"⁶².

Между тем, гражданская война торопила развитие событий и заставила скорее решать судьбу Романовых. Масси отмечает, что "12 июля Голощекин возвратился из Москвы и, предстан перед Уралсоветом, заявил, что партийные лидеры намеревались оставить решение вопроса судьбы Романовых за собой.

Командующего Красной Армией спросили, как долго Екатеринбург еще сможет держаться против белых. Он ответил, что чехи уже обошли город с южного фланга и не исключено, что Екатеринбург падет в течение трех дней. Усладив это, Уралсовет принял решение как можно скорее расстрелять царскую семью и ликвидировать все свидетельства данного акта⁶³.

Можно считать присмелемой предлагаемую автором интерпретацию процесса принятия решения о судьбе царской семьи, но едва ли можно согласиться с описанием их смерти и способа погребения тел. Автор заявляет, что они были полностью уничтожены в огне и кислоте⁶⁴, но доступные источники этого не подтверждают.

Гай Ричардс берет на себя сложную задачу — доказать возможность спасения Романовых. Он приводит множество подчас уникального материала и заявляет, что "существует много доказательств, что все члены царской семьи тайно бежали. По совместному соглашению с большевиками, их исчезновение было представлено как расстрел. Существуют серьезные доказательства того, что данная версия была принята выжившими членами царской семьи"⁶⁵. Г. Ричардс напоминает читателю, что назначенный Колчаком следователь Соколов подтвердил гибель всех Романовых, но при этом подчеркивает, что "у Романовых была прекрасная возможность спастись не только от коммунистов, но и от расследования Соколова"⁶⁶.

Гарри Пулл развивает данную тему дальше. На первый план он выводит заговорщика Аарона Симановича, бывшего секретаря Григория Распутина и "издевает" фантастическими возможностями, необходимыми для спасения царской семьи. Автор заявляет, что немецкий Кайзер настоял на включение в Брестский мирный договор секретного пункта, который якобы гарантировал освобождение царской семьи, но большевики его не выполнили⁶⁷. Впоследствии Симанович отправился в Берлин, чтобы договориться с Вильгельмом II о совместных действиях по освобождению семьи Романовых, и после достижения соглашения уехал в Тюмень, где в это время содержался бывший император⁶⁸. Заговорщик якобы подкупил комиссара Яковлева суммой в размере 50 тысяч рублей, чтобы последний изменил направление поезда от Москвы к немецкой границе. Поездка заняла бы

20 часов, чтобы добраться до западных просторов⁹⁴. Полагаю, что на этом месте следует прервать автора в развитии его невероятных теорий. В первую очередь, хотелось бы заметить, что поезд не смог бы добраться до места назначения так скоро. Для того, чтобы преодолеть это расстояние, понадобилось бы несколько дней. Во-вторых, поезд ехал по восточному направлению в Омск, а не по западному и, более того, по приказу Яковлева, а не Симановича. Все это было заранее обговорено с большевиками в Москве.

После провала его первой попытки Симанович решил предпринять вторую. Он внедрил своего британского сообщника Фокса в охрану Дома Специального Назначения в Екатеринбурге, где содержался царь. Фокс сумел сделать блестящую карьеру, и через две недели большевики произвели его в ранг капитана. Фокс действовал следующим образом. Он сильно напоил коменданта города, отравил пару охранников Дома Специального Назначения, освободил царскую семью, посадил ее в грузовик, который направился в Одессу, а затем в Польшу. Час спустя "лес докруг Ипатьевского дома содрогнулся от выстрелов винтовок" и море человеческой крови разлилось по полу подвала. В это же время в нескольких милях от города в горной шахте Симанович развел костер, и бросил в яму вещи, принадлежавшие царской семье и фальшивый зуб Боткина. Когда погасли тлеющие угольки, он вылил на прах пару литров серной кислоты. В эту шипящую лужу из кислоты и тряся главный заговорщик подбросил горсть бриллиантов. "Это были подарки Распутина. Даже после смерти он служил царю"⁹⁵.

Автору этой детективной истории не смутил и тот факт, что Ипатьевский дом находится в самом центре города и был окружен не лесом, а двойной изгородью и охранялся не двумя охранниками, а целым воинским контингентом. Кроме того, кровь можно было заметить не только в подвале, но и на машинах, транспортировавших не спавшихся Романовых, а их мертвые тела. Щедрая рука Симановича должна была представлять руку гиганта, держащего несколько коробочек с царскими драгоценностями, привезенными Юровским в Москву сразу же после расстрела. Заявление Гари Нулла, что Николай II тихо умер в 1952 г. в небольшой польской деревушке Ciosanica, не может не

вызвать горькой улыбки⁷¹. Возникает естественный вопрос: зачем тогда советское правительство взяло на себя ответственность за расстрел Николая II в 1918 г., и почему Николай II умер во второй раз в Грузии (Сухуми) в 1957 г.?

Труд Саммерса и Мэнгольда представляет собой значительный шаг вперед в разработке истории гибели Романовых и открывает порой эти и ее ослепленники. Во-первых, авторы обнаружили много свежих, ранее не известных материалов. Во-вторых, дали им свою альтернативную интерпретацию, заметно отличающуюся от предшествующих, опиравшихся преимущественно на известные сведения Соколова и его ассистентов.

Авторы отталкиваются от официальной версии о расстреле всей царской семьи, но ставят задачу приоткрыть полувесовую завесу тайны, которая окружала это дело и питала многочисленные легенды. По значимости они ставят убийство царских особ в России в один ряд с сараевским и далласовским. Работая по поручению Би-би-си, Саммерс и Мэнгольд, по их собственным словам, постоянно находились "между историей и журналистикой". Надо сказать, что история от этого не проиграла, поскольку ей на службу было поставлено большое количество новых документов, огромный опыт сотрудников Скотленд-Ярда, принимавших участие в их интерпретации, и также живое слово журналистов, донесших до читателя весь драматизм царубийства и трудный поиск его свидетельств.

В первой половине 70-х гг. авторы обьехали весь мир в поисках новых документов, знакомясь "с письмами, отчетами, свидетельскими показаниями, меморандумами, всем, изложенным полвека спустя королями и революционерами, премьер-министрами и крестьянами"⁷². Записка секретного отчета заставила их отправиться в Министерство иностранных дел Японии, а датский след привел к рапорту секретных служб Вашингтона⁷³. Но там не нашлось достаточных аргументов для вынесения окончательного решения. Только много позже они наткнулись на документы, которые искали с самого начала: семитомное досье первоначальных свидетельских показаний по делу Романовых, на основе которых писал свою книгу Соколов, отбирая те факты, которые подтверждали его версию гибели всей императорской семьи.

В 1962 г. на чердаке парижского антиквара были найдены негативы фотографий, относящихся к Соколовскому следствию с его пометками, но сопроводительные документы исчезли. Старый царский генерал Позднышев сообщил, что досье забрали немцы во время Второй мировой войны, но другой комплект якобы оказался у нейтральных лиц⁷⁴. По всей вероятности, имелся в виду экземпляр английского журналиста Вильтона, который вручил ему Соколов перед отъездом из Сибири. Оказалось, что этот экземпляр вдова Вильтона продала на аукционе Сотбис в 1937 г. и его следы затерялись. После долгих и мучительных поисков выяснилось, что досье, пройдя через многие руки, пошло в библиотеке Гарвардского университета⁷⁵.

Его анализ привел Саммерса и Мэншолда к выводу, что Соколов при подготовке своего капитального труда резко сократил первоначальный материал, педантично использовал все, что соответствовало его версии о полной гибели царской семьи, аккуратно опуская свидетельства противоположного характера⁷⁶. Между тем они "нашли новые документы, которые ясно показывали, что не все Романовы были уничтожены в доме Ипатьева. Они позволяли верить, что только два члена семьи были убиты в Екатеринбурге... Это открытие объясняет, почему никогда не был найден ни один труп"⁷⁷.

Более того, Саммерс и Мэншольд решились утверждать, что "большинство членов семьи Романовых были еще живы месяц после того, как их объявили мертвыми"⁷⁸. Эти доказательства обнаружены в оригинальных рапортах русских белогвардейцев, которые держались в секрете, но не уничтожались⁷⁹. В данной связи невольно приходит на ум то обстоятельство, что двое следователей, предшествовавших Соколову, были расстреляны.

В подтверждение своих выводов авторы рассматриваемой книги обращаются к другому источнику, долгое время остававшемуся недоступным исследователям. В 1936 г. в Гумеровский институт при Стенфордском университете обратился неизвестный, который держал в руках сумку из черной мешковины. Он предложил подарить содержимое сумки институту при условии, что оно останется опечатанным и не будет вскрыто до 1 января 1950 г. Получив такую гарантию, незнакомец сдал сумку, а сам ушел и больше никогда не появлялся. Когда по истечении ука-

занного срока сумку открыли, то в ней оказалось досье Никандра Миролюбова, профессора криминалистики, который служил прокурором в Казани и держал под надзором дело Романовых при Куляке. Досье Миролюбова состояло из двух папок. В одной находились заметка Соколова и несколько писем, в другой - переписка между Миролюбовым и его представителем в Екатеринбурге, прокурором Иорданским. Эта переписка содержала свидетельства основополагающей важности, не публиковавшиеся Соколовым⁸⁰

Саммерс и Мэнгольд цитируют заявление капитана Малиновского, который прошел по самым свежим следам трагедии в Ипатьевском доме: "Моя работа по делу привела меня к заключению, что императорская семья жива. Мне кажется, что большевики расстреляли кого-то в комнате, чтобы симулировать убийство императорской семьи, затем сопроводили ее на дорогу в Коптяки ночью с намерением заставить поверить в убийство. Одели семью по-крестьянски и увезли в другое место после сожжения их одежды. Вот о чем заставляют думать мои наблюдения и размышления. Мне кажется, что немецкий императорский двор абсолютно не мог позволить подобного преступления"⁸¹. Из высказывания Малиновского авторы книги делают вывод, что "Германия в самом деле была замешана в Екатеринбургские события"⁸²

В книге приводятся свидетельства сына доктора Боткина Глеба о том, что белогвардейский комендант Екатеринбурга князь Кули-Мирза "показал ему множество секретных донесений, согласно которым императорская семья сначала была отправлена в монастырь в окрестностях Перми, а затем перевезена в Данию"⁸³

Рассматривая версию Соколова, Саммерс и Мэнгольд констатируют, что он был сторонником взгляда о гибели всей семьи. При этом приводят с нашей точки зрения безоговорочные доказательства этого, в частности, телеграмму, отправленную из Екатеринбурга Белобородовым о том, что семью постигла та же участь, что и царя⁸⁴. Правда, авторы апеллируют к мнению американского адвоката Джона О'Коннора, который считает данную телеграмму условной в масштабной системе дезинформации, поскольку "все, что происходило с Романовыми, ставило

политические проблемы слишком затруднительные и слишком деликатные, чтобы быть когда-нибудь раскрытыми. Например, возможно, что большевики вывезли Романовых из Екатеринбурга и передали немцам... Это было бы глубоко оскорбительным и для большевиков и для царя"⁸⁵ После тщательного анализа телеграммы с помощью высоких авторитетов в области дешифровки Саммерс и Мангольд резюмируют: "Историки никогда не изучали близко этот документ. При его исследовании выясняется, что в лучшем случае его аутентичность слишком сомнительна, чтобы строить доказательство на нем одном, а в худшем, что он может быть подделкой"⁸⁶

Не исключают они и фальсификацию ряда свидетельских показаний, даже участника расстрела Павла Медведева, поскольку информацию от него белые офицеры получили по одним сведениям в тифозной горячке, а по другим — под пыткой, после которой он скончался⁸⁷ В подтверждение своей версии авторы книги ссылаются на досье Миролюбова из Гуверовского института. Через три дня после смерти Медведева профессор писал, что сомневается в достоверности этой новости. А в информации директора тюрьмы, в которой содержали Медведева, нет сведений о его болезни. Авторы даже сомневаются: "а был ли узник на самом деле Медведевым"⁸⁸ По крайней мере, его надо "было допросить еще раз"⁸⁹ Но Соколов не получил такой возможности, так как к его приезду Медведева уже не было в живых.

Следственные действия самого Соколова в Ипатьевском доме и урочище Четырех Братьев западные критики не подвергают сомнениям. Они воспроизводят его выводы о расстреле большой группы людей в подвальной комнате дома, о перевозке трупов к шахте, сжигании их там, присутствии на месте преступления Голошекина и Юровского, цитируют заключение о том, что "вывод об этом ужасном преступлении основан только на результатах тщательного судебного расследования"⁹⁰ В данной связи возникает вопрос о правомерности предшествующих опровержений авторов "Досье...", поскольку они не находят возражений против итоговых выводов Соколова.

Саммерс и Мангольд вносят свою лепту и в толкование исходных позиций екатеринбургской трагедии как директив большевистского центра. По их сведениям, в июне 1918 г. со-

стоялось совещание в Политбюро, где Троцкий предложил привести публичный судебный процесс над царем. Ленин считал, что в ситуации хаоса, царящего в стране, этого делать не следует. Предложение Троцкого не прошло⁹¹. Между тем начали упорно распространяться слухи о смерти царя. 27 июня командарм Я. Берзин запросил Москву на этот счет. Ему ответил Ленин, приказав взять всю императорскую семью под свое покровительство и отвечать за нее своей жизнью⁹². Из данного факта авторы книги делают вывод: "Ленин лично был заинтересован, чтобы ничего плохого не случилось с Романовыми"⁹³. Смену коменданта Дома особого назначения пьяницы Авдеева на крепкого характером Юровского они расценили позитивно, считая, что после этого Романовы оказались в надежных руках. А дальнейшая их судьба связывалась "с тем кризисом, который настал после убийства Мирбуха, — Ленину важно было выторговать передышку"⁹⁴.

Немцы, как явствует из приведенных в книге телеграмм, не поверили в сообщение о расстреле царя. Нарком иностранных дел Георгий Чичерин на первой встрече с германской стороной ничего не сказал о судьбе семьи, во второй раз заметил, что "царица отправлена в Пермь". С точки зрения авторов книги, такое поведение можно объяснить или незнанием существа дела, или стремлением сохранить Романовых в качестве заложников для торга с Германией⁹⁵.

Через шесть недель после исчезновения семьи Карл Радек выступил с инициативой обменять Романовых на русских пленных, а затем высказался за их обмен на лидеров польской социал-демократии. Саммерс и Монгольд из этих фактов делают вывод: "Следовательно, семья жива. Радек был специалистом по немецким делам и таким же реалистом, как Ленин. Если "козыри Романовы" были уже мертвы, было бы абсурдно предлагать их обмен на свободу товарищей..."⁹⁶. Более того, немцы получили уверения от своих агентов, что женщины живыми выехали из Екатеринбурга⁹⁷. Не верить прекрасно организованной немецкой разведке было трудно.

Авторы "Досле Романовых", считая Григория Зиновьева одним из самых главных и информированных советских руководителей, ссылаются на его высказывание о том, что царь убит, а

семья живет в безопасности в одном из сибирских городов, название которого запрещено сообщать. Не исключен из списка "сохранителей" царской семьи и Феликс Дзержинский. По словам авторов, он высказывался в том смысле, что женщины Романовы не были убиты в Екатеринбурге⁹⁸.

Как относиться к таким заявлениям? По всей вероятности, это была дисциплинированная поддержка официального советского заявления, и продолжалась она до тех пор, пока в этом была надобность. По крайней мере, после революции в Германии и поражения ее в Первой мировой войне такие заявления прекратились.

Любопытна оценка авторов "Досье Романовых" международных аспектов трагедии. С их точки зрения, оказать реальное влияние на течение событий могли только два государства: Англия и Германия. Поскольку Германия находилась в состоянии войны с Россией, то преимущество оказывалось на стороне Англии, тем более, что Николай II и Георг V были двоюродными братьями и очень близкими друзьями. В 1977 г. лорд Маунтбатон, самый близкий из еще живших родственников царя, так определил роль Георга V в деле Романовых: "О да! В первые дни он говорил об этом с моей матерью. Он хотел точно представить ему убежище в Англии, но правительство и премьер-министр воспротивились этому по политическим соображениям, и в тот момент войны это можно было понять. И я думаю, что было бы очень трудно пойти против их воли..."⁹⁹

Однако досье раскрывает и другой факт именно Георг V, а не его министры, отказал царю в убежище. "Не экстремисты, не ветрянка (болезнь наследника — В.А.) решили судьбу семьи, считают Саммерс и Мангольд, а культ кузена царя, Георга V, который внезапно переменил свое мнение о представлении убежища... и не только по причине опасности путешествия, но и главным образом по политическим причинам"¹⁰⁰, но об этом никогда не говорилось публично.

В тот момент, когда Керенский и англичане спорили об отъезде царя в Великобританию, Датский двор обратился к Германии за помощью в его спасении. Вильгельм II отдал приказ вооруженным силам не противодействовать въезду императора, но по разным причинам он не состоялся¹⁰¹. Тем временем между

немцами и большевиками был заключен Брестский мир, после чего распространился слух, что он содержал пункт, по которому царь и его семья должны быть освобождены. На основе скрупулезных исследований Саммере и Мэнгольд пришли к выводу, что официально такого пункта не существовало, хотя не исключают возможности какого-то устного соглашения.¹⁰² В официальных заявлениях немецкий посол Мирбах утверждал, что "судьба царя — проблема русского народа, а дело немцев — защищать своих принцесс — царицу и ее сестру Елизавету".¹⁰³ Некоторые обстоятельства показывают, что в критические недели июля 1918 г. германский император действительно предпринял действия для спасения царской семьи. 5 июля членам Государственного совета Украины князю Александру Долгорукову и Федору Безаку позвонил немецкий дипломат барон Альвенслебен и предложил встретиться. Во время встречи он сообщил: "Император Вильгельм желает любой ценой спасти Николая II. При этом было сообщено, что между 16 и 20 июля будут распространяться слухи о смерти царя... они будут ложны... Но необходимо, чтобы они распространялись в частности для того, чтобы можно было спасти царя".¹⁰⁴ Не трудно представить изумление русских монархистов, когда эти предсказания сбылись.

Авторы "Досье Романовых" делают вывод: "Германия вела очень страшную игру... Если Берлин точно знал о смерти царя, то можно прийти к выводу, что немцы были прямо замешаны в убийстве, совершенном коммунистами".⁷⁶ В чем же дело? Прояснить тайну очень трудно, потому что человек, который ее знал, по утверждению Саммерса и Мэнгольда, скончался в 1926 г., никому не сообщив о ней. На протяжении многих веков характерной чертой отечественной истории было самозванчество, а после гибели царской семьи в Екатеринбурге оно приобрело международный характер. То из Сибири, то с Украины, то из Германии, то из США, а то из Японии или Китая поступала информация о том, что там видели кого-то из этой семьи. Многие из них предъявляли настоячивые претензии на российский престол. Сообщается, как в 1920 г. толпа журналистов взяла на бордаж пассажирское судно, прибывшее в Нью-Йорк и в судовом машинисте "опознала" русского царя.¹⁰⁵ Множество исто-

рний посвящено "чудесному спасению" детей Романовых. 31 декабря 1963 г. в США была организована даже трогательная встреча Алексея и Анастасии.¹⁰⁷

Самый большой успех в этой мистификации имела Анастасия, появившаяся на берлинской сцене в начале 1920 г. Она рассказала, что когда начали стрелять в подвале Ипатьевского дома, ей удалось спрятаться за одну из своих сестер, после чего потеряла сознание. Очнулась в семье солдата, который ее спас. От него она имела сына, погибшего во время ее бегства из России. Загадочной истории Анастасии на Западе посвящена серия книг и голливудский фильм.

Она поставила рекорд XX в. по длительности судебного разбирательства, которое длилось с 1938 по 1970 гг., но осталось без решения. Судьи не сочли возможным признать смерть Анастасии в Екатеринбурге историческим фактом, но и не могли утверждать, что Анна Алдерсон есть Анастасия. В качестве свидетелей выступили против идентификации преимущественно представители дома Романовых. Другие люди, часто общавшиеся с царской семьей, узнавали в претендентке княгиню Анастасию, что засвидетельствовали дочь царского врача Татьяна Боткина, знаменитая балерина Матильда Кшесинская и др. То же доказывали некоторые криминалисты, сравнивая особенности отдельных частей ее тела, ранений и почерка.¹⁰⁸ Характеризуя события июльской ночи восемнадцатого года, сама Анна-Анастасия заявила: "То, что произошло в Екатеринбурге, совершенно отлично от того, что рассказывают, но если я это расскажу, подумаю, что я сумасшедшая".¹⁰⁹

Специальная глава книги — "Пучок лжи" посвящена дезинформации екатеринбургского убийства. В данной связи очерк П. Быкова назван не иначе, как отчетом, написанным на материалах из досье Соколова, выкраденных у автора в Берлине и переправленных в Москву.¹¹⁰ Возможно, для такого заявления есть основания, поскольку в бывшем архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранилась часть документов из следственного дела Соколова. Надо полагать, сам он их туда не передавал. Авторы возмущены тем, что убийцы на страницах советской прессы долгое время выступали в качестве героев.

Несколько особняком в рассматриваемом сочинении стоит глава о миссии комиссара Яковлева. Она тесно связана с основными событиями, происходившими в доме Ипатьева и их международным эхом, но содержит ряд любопытных материалов и размышлений, мимо которых пройти нельзя. Констатируется, например: "Николай знал, что монархисты вынашивают множество планов спасения, но понимал, что они не имеют шансов на удачу"¹¹. Во второй половине апреля один из инициаторов этих планов — муж дочери Распутина Марин Борис Соловьев был арестован в Тобольске, а через несколько дней туда прибыл во главе 150 кавалеристов Василий Яковлев, которому было поручено переправить бывшего царя в Екатеринбург.

Кто такой Яковлев, чью волю он исполнял, какие цели преследовал? Эти вопросы, начиная со следователя Соколова, не давали покоя всем, кто пытался распутать тугой узел романовской трагедии. Не смогли их обойти и Саммерс с Мэнгольдом, но и решить не сумели. Они пишут, что "Яковлев махал тремя бумажками, согласно которым он имел миссию исключительной важности и угрожал расстрелять на месте, кто осмелится ему противодействовать"¹². Внизу документов было много подписей и среди них — Свердлова, из чего следовало, что комиссар выполняет волю большевиков. Это не мешало ему очень уважительно и заботливо относиться к царю, заявляя, что "положит жизнь за его безопасность"¹³. Комиссар пытался миновать Екатеринбург, чтобы не допустить передачи Николая в руки уральских экстремистов, за что был обвинен ими изменником революции.

Саммерс и Мэнгольд ставят вопрос: если изменил, то в чью пользу? С одной стороны, они приводят свидетельство того, что он "решил сам спасти царя, зная, что его хотят расстрелять."¹⁴ С другой стороны, допускают мысль, что за ним стояла какая-то сила, стремящаяся реставрировать монархию в России, возможно, даже зарубежная¹⁵. Позднее Яковлев перешел к белым, где будто бы его след затерялся. Отсюда делается вывод, что он изначально был против передачи царя в руки большевиков. На самом же деле оснований для таких выводов нет. С самого начала Яковлев был убежденным и активным большевиком, преданно выполнял задание партии и правительства. После своего

"трехопадения" осенью 1918 г. вернулся в лоно Советской власти и даже работал в органах НКВД, но, как и многие люди его круга, в 1938 г. был расстрелян.

Заканчивая анализ труда Саммерса и Монгольда, можно сделать вывод, что он вносит весомый вклад в раскрытие тайны гибели Романовых, но не исчерпывает ее. Сами авторы пишут, что они "так и не нашли окончательного решения..." "Досье Романовых" пытается распутать моток "уникальной в своем роде тайны и пролить немного света на то, что могло на самом деле произойти с Николаем, Александрой и их детьми в тот переломный момент истории, который был летом 1918"¹⁶.

В этом же ряду публикаций следует рассматривать вышедшую в 1974 г. в Нью-Йорке книгу "Письма царской семьи из заточения", в которую вошло 227 писем Романовых, отправленных разным адресатам за шестнадцать месяцев пребывания под стражей. Большинство из них написаны царицей и ее дочерьми и только одним царем. Письма характеризуют нравственный и духовный облик их авторов, дают оценку многим событиям и людям, рисуют картину духовных и физических страданий семьи. Это редкий исторический источник, позволяющий посмотреть на события как бы изнутри. При этом надо иметь в виду, что авторы понимали: их переписка находится под контролем. И осторожничали с высказываниями.

К сожалению, писем екатеринбургского периода мало по причине довольно краткого пребывания здесь ушников. Письма посвящены рассказам о мучительной дороге от Тобольска до Екатеринбурга и жесткому режиму содержания в Ипатьевском доме. Часть их воспроизведена по воспоминаниям ближайшего окружения царской семьи. Например, А.А. Теглева приводит цитату из письма, полученного в Тобольске: "Уложи, пожалуйста, хорошенько аптеку и посоветуйся об этом с Татишевым и Жильяром, потому что у нас некоторые вещи пострадают", "Мы поняли, - комментирует Теглева, - что пострадали у них некоторые ценные вещи, и решили, что это императрица дает нам указание позаботиться о драгоценностях"¹⁷.

Соответствующие разделы писем сопровождаются вводными статьями и многочисленными комментариями к ним, которые базируются на исследованиях других авторов, но несут печать

собственных оценок их составителей. Красной нитью проходят сквозь них идеи монархизма и православия, резкого неприятия большевистского режима. По оценке составителей комментариев, со времени поселения в Ипатьевском доме августейшие особы "находились в руках екатеринбургской преступной шайки", к которой они отпустили Шаю Голощекина, Янкеля Вайсбарга (Белобородова), Янкеля Юровского, Пинхуса Войкова и Г. Сафарова¹¹⁸. "Если до сих пор, — по их оценке, — царственные мученики шли тернистым путем, то здесь поистине начались восхождение на Голгофу"¹¹⁹. Главным организатором убийства они называют Янкеля Свердлова, а соучастниками Григория Алфельбаума (Зиновьева), Моисея Урицкого, Льва Бронштейна (Троцкого), задача которых состояла в том, чтобы придать убийству видимость самовольного акта местных уральских властей, сняв тем самым ответственность с советского правительства¹²⁰.

В комментариях к книге писем приводятся сведения о том, что 14 июля из Москвы вернулся Голощекин, в 10 часов вечера состоялось заседание областного комитета коммунистической партии Урала и Военно-Революционного Комитета, на котором, согласно инструкциям Свердлова, было вынесено постановление о расстреле царской семьи. Здесь же публикуется его текст: "По предложению военного комиссара, а также Председателя Военно-Революционного Комитета, собрание единогласно постановило ликвидировать бывшего царя Николая Романова и его семью, а также находящихся при нем служащих"¹²¹. Далее постановлено привести настоящее решение в исполнение не позднее 18-го июля 1918 г., причем ответственность за выполнение поручить тов. Юрвскому Я. — члену Чрезвычайной Комиссии".

Вслед за Соколовым авторы, таким образом, констатируют принятие решения о смерти всей семьи, рисуя затем жуткую картину бойни, которая начинает подтверждаться современными советскими источниками.

Значительный интерес в плане нынешних дискуссий о канонизации царской семьи представляют содержащиеся в книге материалы, где подчеркивается: "Великий духовный подвиг Государя Императора Николая Александровича и его Августейшей

Семья, воссиявший ярким светом после их мученической кончины, был глубоко осознан широкими кругами русской эмиграции"¹²² С середины 20-х гг. из Сербии начали поступать предложения о причислении российского императора к лику святых. В 1936 г., при закладе в Брюсселе Храма-Памятника царской семьи, сербский митрополит Досифей, выступая от имени Святейшего Патриарха, сказал: "Сербия чтит Госудря Императора Николая II как святого..."¹²³ Во всех странах русского расселения и храмах, посещаемых русскими людьми, совершаются панихиды по царской семье. Храмы-памятники воздвигнуты практически во всех странах света. Первым среди них считается Брюссельский храм Святого Праведного Иова Многострадального в память Николая II. Его закладка состоялась в 1936 г., а освящение в 1950 г. Величественные храмы-памятники сооружены в Шанхае, Сан-Франциско, Монморанси, под Парижем. В 1971 г. на Архангельском соборе русской православной церкви за границей официально поставлен вопрос о канонизации царственных мучеников¹²⁴

У книги "Письма царской семьи из заточения" много общего с работой А. Алферьева под названием "Император Николай — человек железной воли". Автор считает, что "наступило время для описания жизни Святого Великомученика Царя Николая". Основное содержание работы дает основание считать, что она является попыткой доказательства, что Николай, как государственный деятель, обладал выдающимися волевыми качествами, он сумел добиться прочных связей с церковью и считался человеком с высокими моральными качествами. Выдержка из предсмертной беседы Александра III с его сыном Николаем, которую приводит автор, отражает основную идею этой части работы: "Автократия создала индивидуальный образ России. Если монархия падет и забудут Бога, вместе с ними развалится и Россия. Падение исконно русской власти повлечет за собой время бесконечной политической нестабильности и кровавых междоусобицных конфликтов... Помни, у России нет друзей. Размеры России не могут ее пугать. Избегай войн. В своей внутренней политике, в первую очередь, заботься о церкви. Не единожды она спасала Россию во времена бед. Укрепляй и поддерживай

семью, т. к. именно она является основой любого государства¹²⁵

Из-за очевидного недостатка материала автор работы рисует общие контуры тернистого пути царской семьи на Голгофу. Он отталкивается от версии выдвинутой Р. Вилтоном, в которой представляется, что приказ расстрелять Романовых был отдан Якову Свердлову самой влиятельной группой американских финансистов еврейского происхождения, возглавляемой Яковом Шиффом. Но автор не приводит в доказательство этой версии каких-либо документов¹²⁶. Алферьев считает, что убийство царской семьи было скорее ритуальным, чем политическим актом. Он пишет: "Как и Христос, забытый всеми был распят на Голгофе за грехи всего человечества, так и царь тоже всеми оставленный, был принесен в жертву за грехи всей России"¹²⁷. В связи с этим, он с удовлетворением отмечает, что в 1981 г. зарубежная русская православная церковь канонизировала царскую семью¹²⁸.

Некоторый итог этой серии работ подводит книга П. Пагануцци "Правда об убийстве царской семьи", изданная в 1981 г. в Джорданвиле (США)¹²⁹. Она имеет специфический подзаголовок "Историко-критический очерк". Автор пытается переосмыслить скатертинбургскую трагедию на неопубликованных материалах Дитерихса и Вильтола, в чем видит свое преимущество перед предшествующими исследователями и стремится дать отпор их несостоятельным, с его точки зрения, концепциям. Полемизирует он преимущественно с советскими авторами, главным образом с М.К. Касвиновым.

Проф. Пагануцци, демонстрируя крайнюю приверженность монархии, стоит на твердых антисоветских, антигерманских и антисемитских позициях. С этих позиций он освещает ключевые проблемы гибели царской семьи, не привлекая принципиально новых документов и не выдвигая оригинальных гипотез в этом темном деле, за исключением некоторых деталей. Поддерживая точку зрения Керенского о том, что переговоры Кремля с Уралом были фиктивны и план злодеяния выработали задолго до белой угрозы в интимном кругу Ленина, Пагануцци добавляет: "Может быть, в основе была месть за брата Александра, казненного за покушение на жизнь императора Александра III"¹³⁰.

Оценивая многочисленные западные публикации о "чудодейственном" спасении отдельных членов царской семьи или даже ее полного состава, автор анализируемой книги не соглашается с ними и безоговорочно принимает, по его словам, "единственную реальную версию" следователя Соколова о том, что тела убитых после предварительного осмотра с целью грабежа были изрублены на куски, по всей вероятности топорами, и сброшены на кострах¹³¹.

В Советском Союзе долгие годы после публикации книги П.М. Блкова, а затем отправки ее в спецхран, изучением уральской трагедии не занимались. Официальная пропаганда клеймила позором нацизм, восхваляла триумфальное шествие Советской власти, гордилась разгромом контрреволюции в гражданской войне и тщательно скрывала правду о гибели царской семьи, полагаясь на хвастливое заявление П. Войкова: "Мир об этом никогда не узнает, что мы сделали с ними".

Попытка вернуться к событиям, связанным с гибелью царской семьи, была сделана в начале 70-х гг. Ее, по всей вероятности, можно расценивать как реакцию на многочисленные публикации по данному вопросу за рубежом в связи с пятидесятилетием Октябрьской революции. В 1972-1973 гг. журнал "Звезда" опубликовал "повествование о деяниях и конце последнего царя из династии Романовых" М.К. Касвинова "Двадцать три стулени вниз"¹³². В дальнейшем книга неоднократно выходила в свет отдельными изданиями и получила широкое хождение в разных слоях общества. Ее с интересом читали, поскольку она написана хорошим литературным языком, содержит ссылки на многочисленные опубликованные и архивные документы и исследования, изданные в России и за рубежом. Это одна из самых известных отечественных публикаций по царской теме.

Однако с первых страниц книги автор провозглашает явно тенденциозное кредо: "История крушения и гибели династии Романовых --- одна из излюбленных, постоянных тем западной пропаганды. Вот уже свыше полувека, как чернильные займы антисоветского промысла эксплуатируют историю казни царской семьи, соблазняемые выигрышной, как им кажется, возможностью показать на этом примере "ужас" революции и "жестокость" разбухшавшейся народной стихии. Нескончаемым

поток идет с идеологических конвейеров международной реакции соответствующая продукция" ¹³¹ В таком духе выдержана вся книга. Однако она продолжала выходить массовыми тиражами и в начале эпохи перестройки, когда полным ходом шел коренной пересмотр подобных догматических позиций.

Касвинов, как и многие исследователи романовского дела, пытается разглядеть в нем германский след, что естественно для той исторической ситуации, но вопрос в том, как его обнаружить? Без всяких документально подтвержденных оснований он заявляет: "К началу июля берлинские домогательства в пользу Романовых становятся все более грубыми и вызывающими. Даже покушение на Мирбаха кайзер использует для маневра в пользу царской семьи. Выдвинув после 6 июля провокационное требование о допуске в Москву немецкого батальона, якобы для охраны посольства, Берлин в дальнейшем заявил о готовности снять это требование в обмен на разрешение царской семье выехать в Германию" ¹³⁴ В этом утверждении реален только один факт - требование о допуске в Москву немецкого батальона. Однако он обоснован чисто дипломатической необходимостью, а тезис о разрешении царской семье выехать в Германию не доказан.

Не разобрался автор книги и в миссии комиссара Яковлева. Он рубит сплеча: "Авантюра провалилась. Дерзкое кружение по сибирским железнодорожным магистралям двойного шпиона-ливерсанта, называвшего себя Яковлевым, кончилось ничем" ¹³⁵ Наоборот, кончилось как раз так, как было задумано в большевистском центре в Москве, а шпиономания здесь выглядит дешеным приемом.

Расстрел в Екатеринбурге Касвинов рассматривает в традиционном для того времени ключе: Москва не имела возможности организовать суд над Романовыми, поручила это сделать уральцам, те не успели потому, что в Екатеринбурге созрел заговор для освобождения царя, а на поддержку ему подступали регулярные части белой армии. В этих условиях, "не видя иного выхода из сложившегося положения, Исполнительный комитет Уральского Совета принял решение: предать Романовых казни, не дожидаясь суда" ¹³⁶ Автор не ставит под сомнение материалы мнимого заговора, уходит от вопроса о позиции Москвы в ре-

шении судьбы Романовых, мимоходом, без всяких эмоций или научных размышлений, констатирует расстрел всей семьи и конец многовековой российской династии: "Среди заброшенных шахт трупы сложили попеременно с сухими бревнами, в штабеля, облили керосином и подожгли. Когда костер догорел, останки зарыли в болоте"¹³⁷.

Так же обыденно и бесстрастно, в отличие от гневных вылазок в адрес здравствующих Романовых, сообщено в книге о расстреле Михаила Романова в Перми и остальных представителей семейства в Напольной школе в Алапаевске. "Таким образом, — подводится итог этих бесславных режаний, — четырнадцать представителей семейства Романовых нашли свой конец на Урале"¹³⁸. По убеждению автора, "это и была последняя черта под последней главой трехсотлетней истории злодеяний, совершавшихся в России под родовым знаком династии Романовых". Но не под этим ли знаком создавалось одно из самых могущественных государств в мире, не он ли реял на штандартах русского воинства, овеянного славой великих побед, не под ним ли сияли имена гениев русской науки и культуры?

В конце тех же 70-х гг. была сделана еще одна, менее рабоязненная, а потому и менее удичная, точнее, совсем неудачная попытка вернуться к романовской теме. Тогда в уральский литературно-красоведческий сборник "Рифей" поступила статья Н. Лёвкина "Последний рейс Романовых", которая посвящалась миссии загадочного комиссара Яковлева. Автор пытался дать этому событию свое толкование, причем оно принципиально не расходилось с господствовавшей тогда идеологией. Автор только попробовал разобраться в том, как это хрестоматийное событие преломилось "в десятке кривых зеркал"¹³⁹. Но этого не позволили сделать. Цензура запретила выход и свет сборника. Он сохранился лишь в нескольких экземплярах. Только через десять лет, с приходом эпохи гласности, статья увидела свет в одноименном сборнике¹⁴⁰.

В 1985 г. появилась любопытная книга Ю. Курочкина "Гобольский узелок", посвященная поиску царских драгоценностей. Автор назвал ее повестью, которая "не претендует на документальную хронику". Поэтому он "счел возможным прибегнуть иногда к смещению событий во времени и пространстве, к воль-

ной трактовке сцен, свидетелей которых уже нет в живых, к смыслу фактов, возможно, имевших место, но не зафиксированных в документах"¹⁴¹ Если с точки зрения требований, предъявляемых к повести, книга удалась, то с позиций исторического охвата событий и их интерпретации она оставляет желать лучшего.

Судя по тексту, автор знаком с материалами операции, проведенной уральскими чекистами в начале 30-х гг. по обнаружению ценностей Романовых в Тобольске. Но использует он их выборочно, с большой долей собственной фантазии, круто замешанной на идеологических стереотипах застойных времен. Между тем сохранилось несколько томов подлинных протоколов допросов тех, кто прятал эти драгоценности. Они хорошо доносят до читателя масштабы этой операции, ее значимость и трагизм людей в ней оказавшихся. Сами по себе эти документы куда более содержательны и увлекательны, не говоря уже о достоверности, чем произведение Ю. Курочкина.

Коренной перелом в отношении к царской теме произошел в конце 80-х — начале 90-х гг. в эпоху перестройки. Начался он с журнальных публикаций известных литераторов Э Радзинского и Г Рябова в "Огоньке" и "Родине"¹⁴² Они впервые обнародовали фрагменты из ранее тщательно скрываемых документов об екатеринбургском расстреле. Эти леденящие кровь откровения Я. Юровского, Г Никулина и других произвели ошеломляющее впечатление на общественность и дали толчок сначала к репринтному воспроизведению ранее опубликованных и упрятанных в спецхраны книг, а потом и новым произведениям.

Особенно "урожайным" оказался 1991 г., когда в центральных¹⁴³ и местных¹⁴⁴ издательствах вышла в свет серия книг о царской семье. В большинстве это были сборники, в которые включались полностью или частично ранее изданные произведения Н.А. Соколова, Р. Вильтона, П. Быкова и др. К ним добавлялись еще не публиковавшиеся фрагменты воспоминаний Я. Юровского, В. Яковлева, П. Ермакова, а также некоторые архивные документы и комментарии современных историков. К сожалению, принципиально новых данных и выводов они не несли.

Исключение составляет книга О. Платонова "Убийство царской семьи", в которой сделана одна из первых попыток советских авторов переосмыслить основные вехи царствования Николая II и его гибели. На основе большого фактического материала, в частности архивного, автор дает свежие оценки двух противостоящих лагерей — правящего (царского) и революционного (большевистского), приводит новые детали уральской трагедии. Гибель последнего российского царя в отличие от устоявшейся историографической традиции рассматривается не с упрощенных классовых позиций, а в широком историческом контексте.

Смело ломая устаревшие стереотипы, автор кне в чем перебирает через край. По его мнению, с убийства царской семьи берут начало величайшие бедствия нашей страны и мира — большевизм и фашизм...¹⁴⁵ Судя по всему, здесь смешиваются причины и следствия. Даже школьнику известно, что большевизм возник за 15 лет до гибели Романовых. Не приведя достаточных оснований, автор берется утверждать: "Решение об убийстве царской семьи и вообще династии Романовых было принято Лениным и Свердловым"¹⁴⁶ Не исключено, что так оно и было, но для столь категоричного вывода нужны доказательства, а их в книге нет.

Более фундаментально выполнены два последующих издания, вышедшие в 1992 г., "Гибель императорского дома" Ю. Буранова, В. Хрусталёва¹⁴⁷ и "Революция и судьба Романовых" Г. Иоффе¹⁴⁸. Первая книга написана на значительном новом материале, что подчеркивает и форма изложения. Авторы как бы говорят документами, в изобилии цитируя важные сведения, исходящие нередко от личностей исторического масштаба. В отличие от многих своих предшественников, они мало повторяют общеизвестные факты, избегают идеологических баталлий и стараются сосредоточиться на конкретных эпизодах, связанных с гибелью царя и его окружения.

Авторы обстоятельно и объективно излагают эпизоды вывоза царственных узников из Тобольска и доставку их в Екатеринбург, при этом вносится ясность в суть миссии комиссара Яковлева. Наиболее свежо написаны разделы, книги, посвященные событиям на Урале. В них разоблачается миф о заговоре монар-

хистоя, якобы готовых освободить Николая II из Ипатьевского дома, детально описаны события подготовки к расстрелу и самого расстрела. Авторы не оставляют сомнений, что разрешение на него было получено из Центра. Любопытный материал содержится в главе об убийстве великих князей.

Вторая книга является плодом многолетнего труда известного советского историка Г. Иоффе и повествует о тех же событиях, что и первая, но в более академическом стиле. В ней много новых наблюдений о развитии революционных событий в России, отречении царя от престола и ссылке его в Сибирь, но нас интересует толкование событий, связанных с Екатеринбургом. Автор уделяет много внимания попыткам освобождения царя из тобольского заточения и противодействию им со стороны урало-сибирских большевиков, но он не отвечает на главный вопрос, почему же при всем ажиотаже вокруг монархического заговора он на практике ничего не стоял.

Г. Иоффе раскрыл тайну Яковлева. Как и следовало ожидать, он оказался активным большевиком, человеком близким к Ленину и Свердлову, а не загадочным агентом иностранных или монархических спецслужб, стремившихся спасти бывшего царя. Он выполнял специальное задание большевистского центра по доставке царской семьи на Урал. При этом произошло немало тактических ходов и опасных холзанзий, но задание было выполнено в точности.

Анализ трагедии на Урале Г. Иоффе начинает с гибели Михаила Романова в Перми, но не отвечает на один из первостепенных вопросов, по чьему указанию она совершилась. Судьбу Николая II и его семьи автор не без оснований увязывает с левозерским мятежом в Москве, однако новых конкретных данных фляг-таки не приводит. Поэтому германский след в романовском деле, как и у многочисленных предшественников Г. Иоффе, снова повисает в воздухе. Зато он вносит полную ясность в технологию подготовки фальшивых писем мифического "офицера", которые, по утверждению Советской власти, якобы свидетельствовали о плане освобождения царской семьи белыми. Решая один из ключевых вопросов екатеринбургской истории: где и как было принято решение об убийстве царской семьи, автор приходит к выводу: "Последнее слово, видимо, все

же оставались за уральцами: они лучше знали реальную ситуацию; они еще во время инцидента с Яковлевым официально сообщили Свердлову, что берут всю ответственность за судьбу Романовых на себя; а самое главное — они своим решением освобождали Москву от политически компрометирующего решения...⁴⁹ Как и его многочисленные предшественники, автор не отвечает и на вопрос о месте захоронения останков царской семьи. Далеко не со всеми выводами Г. Иоффе можно согласиться. "Понять трагическую судьбу узников Ипатьевского дома — значит попытаться понять, осознать весь путь России начала XX века"⁵⁰, — пишет он. Хорошо, если бы это было так. На самом деле все гораздо сложнее. Не только мы, россияне, но и весь мыслящий мир до сих пор бьется над разгадкой вопроса о том, что и почему случилось с Россией в начале нашего века, куда она идет? Попытка воздвигнуть храм в память по убиенным в Ипатьевском доме автор склонен считать "как еще один разделяющий нас рубеж"⁵¹. Конечно, наше общество сейчас как никогда политизировано, и такая озабоченность не исключается. Но судя по всему история свой вердикт уже вынесла. Народ хочет знать правду, и ее не утаить. Чем быстрее и полнее она будет раскрыта, тем больше вероятности, что он отнесется к ней с пониманием, как к факту, канувшему в Лету, который может и должен быть ускорен.

Книга Анатолия Гряшника "Завещание Николая II" содержит серию публикаций, сделанных в бывшем Советском Союзе о смерти царской семьи. Как отмечает сам автор, "книга — это очерк с элементами политического детектива"⁵² если придерживаться его характеристики, то необходимость вступать с автором в полемику с исторической точки зрения отпадает сама собой. Но, с другой стороны, невозможно и проигнорировать ряд фактов и заключений принципиальной значимости.

Основная идея книги заключается в том, что в Екатеринбурге была расстреляна не царская семья, а их двойники (из различных семей)⁵³. Автор исходит из того факта, что, "следуя статьям Брестского мирного договора, граждане каждой из подписавших его сторон или их предки родившиеся на территории противоположенного государства, обеспечивались правом, основанным на договоренности между соответствующими сторонами, вер-

нуться на Родину в течение десяти лет после ратификации Договора (Договор был ратифицирован 26 марта 1918 г.)¹⁵⁴ Бывшая царица и ее дети могли бы воспользоваться данным правом. Это заставляло большевиков задуматься над их судьбой. Кроме того, в августе 1918 в дополнении к Брестскому договору было заключено соглашение, "предусматривающее возврат всей собственности немцев их владельцам, оно, таким образом, было действительно и в случае с собственностью царской семьи, которую большевики уже присвоили себе"¹⁵⁵

Руководимый этими предпосылками Грянник попытался доказать, что Советские власти только лишь симулировали расстрел царской семьи, а на самом деле оставили ее членов в живых. Все это произошло, когда немцы потерпели поражение на Марне 15 июля 1918 г. и полностью утратили стратегическую инициативу. Это событие похоронило возможность открытия последними второго фронта против России¹⁵⁶ В данной ситуации, большевики расстреляли двойников семьи и спрятали настоящих Романовых в секретном месте, чтобы позднее при необходимости предъявить их миру живыми. После тяжелых мучарств, семья, якобы, оказалась в Грузии. Грянник пишет: "В начале 1920-х в Сухуми собралось около 40 Романовых и их приближенных"¹⁵⁷ Случилось так, что вся семья проживала под вымышленными именами. Комиссар Яковлев так же был там¹⁵⁸ Николай II под именем Березкин прожил до 90 лет и умер 6 февраля 1957 г.¹⁵⁹ Подобное детективное развитие событий абсолютно обезоруживает не только серьезного ученого, но и доверчивого читателя, и невольно возникает вопрос: а где доказательства этой блестящей сенсации? Хотя этой истории посвящено более чем 200 страниц работы в ней отсутствуют реальные факты, документы, заключения, за исключением свидетельств случайных личностей и комбинации фотографий с лицами с промежутком в 50 лет.

Работа содержит множество неожиданных поворотов. Например, автор пытается связать спасение царской семьи с боязнью немецкого главнокомандования публикации документов о Ленине¹⁶⁰; он считает, что евреи спасли жизнь Николая II из-за боязни нарушить пророчество Давида, которое гласило: "Не трогайте помазанников божьих"¹⁶¹; в Сталинские времена было

принято хранить молчание по этому вопросу, потому что его мать была еврейкой¹⁶², после XX съезда КПСС в феврале 1956 г., когда антисталинская группировка пришла к власти, Березкин в сентябре того же года внезапно плохо себя почувствовал и вскоре скончался¹⁶³. Если между этими событиями действительно существует связь, то ее необходимо доказать, а не делать голословные заявления.

В целом, книга Гряцника ставит больше вопросов, чем дает на них ответы. Поднимая проблему царских денег — 400 млн. рублей, переведенных якобы в зарубежные банки, он пишет: "Семью не должны были расстрелять, т.к. в этом случае все деньги достались бы их заграничным родственникам"¹⁶⁴. Он также отмечает, что: "Романовы планировали собраться в одном из русских городов 22 августа 1991 г., но путч помешал реализации данного мероприятия"¹⁶⁵. В его работе так же встречаются серьезные ошибки: он пишет Белкин вместо доктор Боткин и Лещнев, вместо мальчишки по имени Седнев¹⁶⁶.

Под влиянием радикальных преобразований в России и в связи с пересмотром узловых моментов ее истории в XX в. появилась новая волна литературы, посвященной царской теме за рубежом. Наиболее крупными публикациями являются книги Н. Росса, М. Ферро и Э. Радзинского¹⁶⁷. Книга Н. Росса вышла в свет в 1987 г. в издательстве "Посев" во Франкфурте. Она представляет собой большой том документов, подготовленных в основном на базе одного из в трех экземпляров следственного дела Соколова, вывезенного генералом М.К. Дитерихсом из России в конце гражданской войны. До смерти генерала в 1937 г. эти материалы хранились у него дома в Харбине. Затем его вдова передала их в одну из западных стран, где они находятся до настоящего времени у частного владельца. Хотя основные факты этого следственного дела были известны по публикациям Соколова и самого Дитерихса, их полное издание представляет несомненный интерес и позволяет современному читателю на основе подлинных документов делить свои выводы о случившемся три четверти века назад.

Интерпретация судьбы царской семьи в книге известного французского историка М. Ферро "Николай II" заметно отлича-

ется от других западных и отечественных публикаций. Он пытается рассмотреть вероятность сохранения в живых ее женской части. Сопоставление российских и иностранных источников навело его на мысль, что Александра Федоровна и ее дочери (за исключением Анастасии) через Пермь были эвакуированы в центральную Россию, а затем некоторые из них попали в Западную Европу, но не были там признаны родственниками по соображениям охраны их собственных династических интересов¹⁶⁸. Автор приводит свидетельство о том, что якобы на той же неделе (во второй половине октября 1918 г.), когда Мария Николаевна прибыла в Германию, из тюрьмы был выпущен Карл Либкнехт. "Совпадение ли это?" — задает он вопрос. — Или же первый обмен заложниками в истории отношений Запада и Востока!"¹⁶⁹ Ему представляется, что в тех конкретных исторических условиях ни одна из сторон: ни советская, ни белогвардейская, ни западноевропейская не были заинтересованы в прояснении данного вопроса, поскольку к тому не располагала однозначность Романовых. Для того, чтобы разобраться в этой запутанной проблеме, Ферро предлагает фронтально сопоставить материалы русских и зарубежных архивов, особенно английских, немецких, испанских и датских¹⁷⁰. С нашей точки зрения, такое сопоставление если и не расставит все точки над "i", то по крайней мере очень сильно обогатит наши представления о важнейшей странице русской истории.

Книга итальянского автора Мариолины Дорни де Дзулиани "Царская семья. Последний акт трагедии" представляет большой интерес, т. к. это первая работа, в которой читателю предлагается информация о судьбе царской семьи взятая как из западных, так и из советских источников. Автор данной книги исследует тот же пласт вопросов, к которому обращались и предшественники: характерные черты царской семьи, обстоятельства их смерти и лица, совершившие такое преступление, исследование этого гнусного дела, дезинформация, вероятность спасения некоторых членов семьи.

Дзулиани демонстративно отвергает существование версии о спасении царя белой гвардией, характеризуя эту "офицерскую историю" как сфабрикованную мистификацию¹⁷¹. Она не поддерживает то, что это "выполнялось предположительно по "сек-

ретному указу" Москвы"¹⁷² и больше склоняется к тому, что решение о расстреле царской семьи было принято Уралсоветом¹⁷³. Автор не оставляет даже малейшего сомнения относительно подлинности телеграммы, посланной из Екатеринбурга секретарю Совнаркома Горбунову, в которой сообщалось, что все члены царской семьи разделили участь ее главы¹⁷⁴. По ее мнению, новости о расстреле "остались фактически незамеченными: в Москве, реакция людей была индифферентной"¹⁷⁵.

Дзулгани отказывается верить в спасение кого-либо из царской семьи и полагает, что Анна Андерсон (Анастасия) "была элементарным инструментом в руках мошенников, очень заинтересованных в наследстве Романовых"¹⁷⁶. Она одна из первых исследователей, пытающихся пролить свет на судьбу царских драгоценностей. В книге есть история о том, как уральский комиссар Войков собственноручно снял с шеи императрицы кольцо с кольцом на нем¹⁷⁷. Ссылаясь на режиссера фильма Г. Рябова, автор заявляет, что не существует свидетельств того, что драгоценности Романовых были отправлены в Алмазный Фонд или Гохран России. Она не исключает возможности того, что они осели где-то за рубежом¹⁷⁸. Дзулгани пишет: "известная брошь и фрагмент бесценного кольца с бриллиантами в 100 карат спрятаны в Екатеринбурге или где-то в мире"¹⁷⁹. Подтверждения этому читатель может найти в книге.

Особое место среди западных публикаций занимает монография иерусалимского писателя и историка М. Хайфеца "Царевубийство в 1918", опубликованная в Москве в 1992 г. В своей публицистической работе он базируется на рукописи, найденной в Архивах Иерусалимского Центра Исследований и Документов Еврейства Западной Европы. Рукопись принадлежит перу Бер-Дов Бруткусса, занимавшего пост профессора сельскохозяйственной экономики в Иерусалимском университете и в тридцатые годы активно изучающего аграрные проблемы России дореволюционных и первых послереволюционных лет.

По мнению Хайфеца основная идея рукописи в том, что "евреи не принимали участия в этом злодеянии" (т.е. в убийстве Николая II и его семьи)¹⁸⁰. Данная цитата могла бы стать эпиграфом ко всей книге, сам автор озаглавливает таким образом одну из глав своей работы. Необходимо отметить со всей спра-

ведливостью, что израильский автор поднимает вопрос принципиальной важности относительно убийства русского царя, т.к. версия ритуального характера убийства муссировалась на протяжении трех четвертей столетия и даже сегодня много тайн связанных с этим варварским актом происходит именно из нее.

Хайфен приводит весомые доказательства непричастности евреев к убийству Романовых. Они основаны на пересмотре многих фактов и их дальнейшим объективным рассмотрении. Но, к сожалению, в его книги не содержится новой информации, он лишь ограничивается только логическими конструкциями, которые, однако, очень важны. С его точки зрения за гибель царской семьи действительно ответственны не те, кто исполнил сам акт убийства (среди них были представители различных национальностей), а большевистские лидеры Ленин, Сталин и Свердлов. С последним все действительно ясно. А причастность первых двух нуждается в дополнительных доказательствах. Но никто, ни даже Хайфус их привести не могут.

Заключительной в данной серии публикаций на сегодня можно считать крупную монографию российского автора Э. Радзинского "Последний царь. Жизнь и смерть Николая II", изданную в середине 1992 г. в Нью-Йорке. Она является плодом многолетних усилий автора, содержит новые документы, освещает события с современных позиций, без крайностей, ранее свойственных как советской, так и зарубежной литературе. Книга написана живо, легко и увлекательно читается. В принципе в ней прослеживаются те же события, что и в ранее проанализированной нами литературе. Но они оставляют значительно меньше недоуменных вопросов.

Миссию комиссара Яковлева Радзинский рассматривает как двойную игру Свердлова¹³¹. Именно он "предложил кандидатуру Яковлева для отправки в Тобольск, чтобы вывезти оттуда Романовых. Троцкий, хорошо знавший Яковлева, также одобрил его кандидатуру"¹³². На вопрос Свердлова о тактике действий Яковлев ответил: "Посадит семью на поезд, который отправится в направлении Екатеринбурга, чтобы не вызывать враждебность среди уральцев. Но как только он выйдет из Тюмени, то повернет в направлении Омска — на восток. Он доставит царскую семью в Москву через Омск. Если вмешаются какие-либо об-

стоятельства, он отвезет царскую семью в родную Уфу, где люди настроены лояльно по отношению к нему и оттуда будет удобно продолжать путь на Москву, если это будет необходимо"¹⁴³ Свердлов согласился, не исключив возможность доставки царя в Екатеринбург.

Радзинский высказывает предположения, что екатеринбургские большевики начали собирать доказательства "монархического заговора" с первых дней пребывания царской семьи в доме Ипатьева, но "без Москвы, без... разрешения Ленина и Свердлова, ничего не могло планироваться"¹⁴⁴ Он утверждает, что нашел телеграмму уральского большевистского лидера Голошекина Свердлову и Ленину, переданную через Зиновьева, из которой якобы следует вывод о существовании предварительной договоренности между ним и Лениным об участии Николая П¹⁴⁵ Однако эта телеграмма была известна в России раньше, но из нее не делалось таких выводов. Думается, что теоретически построения Радзинского очень интересны. К сожалению, это пока только логика, но не факты.

Наряду с этим, Радзинский выдвигает любопытную версию о том, что приказ о расстреле издал главнокомандующий северным Уралом-Сибирским фронтом Я. Берзин но Голошекин для страховки все-таки отправил запрос в Москву через петроградский адрес Зиновьева, который был сторонником казни. Далее писатель неожиданно апеллирует к воспоминаниям некого А. Акимова, который еще в 1957 г. в "Строительной газете" опубликовал статью-воспоминание "По совету Ленина", из которой делает вывод: "Когда Уральский областной комитет партии принял решение о расстреле – решение о расстреле семьи Николая, Совнарком и ЦИК написали телеграмму, подтверждающую это решение"¹⁴⁶ Такой приоритет привлекает внимание, но опять-таки окончательно не убеждает, поскольку не содержит официальных данных.

Сам расстрел, сокрытие останков, белогвардейское следствие по этому поводу, появление якобы спасшихся детей Николая Романова и другие события царской истории Радзинский описывает на основе хорошо известных документов, не дополняя что-либо существенно нового. Делается это тщательно, детально, часто с повторами рассказов разных персонажей этой кош-

марной ночи. Впечатление остается очень тяжелое. Со ссылкой на какого-то своего мифического гостя, не названного по имени, Радзиский зарождает у читателей сомнение в гибели всех членов семьи, оставляет надежду на спасение двоих и даже пытается нарисовать картину, как это могло произойти¹⁶⁾ Исследователям еще предстоит разобраться в новом повороте этой истории.

Краткий анализ большого корпуса отечественной и зарубежной литературы о судьбе царской семьи дает возможность представить широкий спектр мнений по данному вопросу, проследить трансформацию взглядов на трагические события трехчетвертьвековой давности. При всем разномыслии авторов у подавляющего большинства звучат печальные ноты о случившемся, но мало кто готов дать исчерпывающие ответы на те многочисленные вопросы, которые остались со времени гибели царской семьи. Следы преступления были настолько хитро спрятаны, что восстановить их очень трудно, особенно спустя более полувека. До сих пор окончательно не ясно, почему царскую семью оставили на полпути между Tobольском и Москвой, какие внутри- и внешнеполитические обстоятельства ускорили ее гибель, кто дал распоряжение об этом, где сокрыты останки, остались ли кто-то в живых, как случилось так, что ни одна политическая сила ни в России, ни за рубежом не смогла повлиять на судьбу если не всей семьи, то хотя бы ее женской части, куда исчезли архив и драгоценности Романовых. Все это не риторические вопросы, а важные проблемы отечественной истории на одном из самых крутых ее поворотов. Они нуждаются в основательной разработке, для чего созрели все условия.

Примечания

1. Wilson R. The Last Days of the Romanovs. London, 1920.
2. Соколов Н.А. Убийство царской семьи. Берлин, 1925.
3. Дитерикс М.К. Убийство царской семьи и членов Дома Романовых на Урале. Владивосток, 1922.
4. Gilliard C. Le Tragique Destin de Nicholas II et de sa Famille. Paris, 1926.
5. Smirnov S. Auteur de l'assassinat des Grands-Ducs. Ekaterinbourg-Alapajevsk-Perm-Petrograd. Paris, 1928.

6. Мельник-Боткина Т. Воспоминание о царской семье и ее жизни до и после революции. Белград, 1921.
7. Гурко В. Царь и царица. Париж, 1927; Иванов В., Мученик за Россию (Памяти императора Николая II) Харбин, 1920; Мейер Н. Как погибла царская семья. Лос-Анджелес, 1936. Серафим (игумен). Православный царь-мученик. Пекин, 1920; Убийство царской семьи в Екатеринбурге (по данным предварительного следствия). "Русская летопись". 1925. Кн. 7.
8. Авдеев А. Д. Николай Романов в Тобольске и Екатеринбурге // Красная нота. 1928. № 5; Быков П. М. Последние дни Романовых. Свердловск, 1926; Панкратов В. С. С царем в Тобольске // Былое. 1925.
9. Соколов Н. А. Убийство царской семьи. Москва, 1991. С. 73.
10. Соколов Н. А. Указ. соч. С. 141.
11. Там же. С. 305.
12. Там же. С. 244.
13. Там же. С. 72.
14. Литерихе М. К. убийство царской семьи и членов Дома Романовых на Урале. Москва, 1991. Часть I. С. 15, 366.
15. Там же. С. 18.
16. Там же. С. 22, 60, 107, 169-170, 306.
17. Там же. С. 97-98.
18. Там же. С. 90, 11-112, 115-116, 138.
19. Там же. С. 258.
20. Wilton R. Op. cit. Op. 29, 69-70, 149-150.
21. Gilliard C. Op. cit. С. 233.
22. Там же. С. 234.
23. Там же. С. 237.
24. Там же. С. 243.
25. Там же. С. 244, 257.
26. Мельник-Боткина Т. Указ. соч. С. 45, 47.
27. Там же. С. 60.
28. Быков П. М. Последние дни Романовых. Свердловск, 1990. С. 49.
29. Там же. С. 75.
30. Там же. С. 82.
31. Там же. С. 89-90.
32. Там же. С. 90, 99.
33. Там. С. 100.
34. Speranski V. La Maison a Destination Speciale. Paris, 1929; Botkin G. The Real Romanovs. New-York, London, 1931; Константин (Архимандрит). Памяти последнего царя. Джорданвилль, Нью-Йорк, 1963; Ермолинцев В. Правда о трагедии Ипатьевского дома. Истинные виновники убийства царской семьи в Екатеринбурге. Харбин, 1933; Buligin C. The Murder of the Romanovs. New-York, 1935; Kerensky A. La Verite sur le Massacre des Romanovs. Paris, 1936; Мизгунова С. Судьба императора Николая II после отречения. Париж, 1957; Подлиншев С. Немеркнувший свет. Сан-Пауло, 1948; Trewin J. The House of Special Purpose. New-York, 1982.

35. Pares B. The Fall of the Russian Monarchy. London, 1939; Priham F. Close of a Dynasty. London, 1956; Frankland N. Crown of Tragedy. Nicholas II. London, 1960; Massie R. Nicholas and Alexandra. New-York, 1967; Bergansin J. D. The Tragic Dynasty. New-York, 1969; Null G. The Conspirator Who Saved the Romanova. New-Jersey, 1971; Richards G. The Hunt for the Tsar. New - York, 1970 Idem. The Rescue of the Romanovs. Connecticut, 1975; Summers A., Mangold T. File on the Tsar. London, 1976.
36. Bulygin C. Op. cit. С. 235, 242-243.
37. Там же. С. 246.
38. Там же. С. 223.
39. Мельгунов С. Указ соч. С. 380.
40. Там же. С. 248.
41. Там же. С. 282.
42. Там же. С. 333.
43. Там же. С. 350.
44. Там же. С. 401.
45. Там же. С. 405.
46. Там же. С. 411.
47. Там же. С. 9.
48. Константин (Архимандрит). Указ. соч. С. 3.
49. Там же. С. 12.
50. Там же. С. 38.
51. Trewin J. Op. cit. P. 137.
52. Там же. С. 135.
53. Там же.
54. Там же. С. 134.
55. Там же.
56. Pares B. Op. cit. P. 489.
57. Там же. С. 490.
58. Там же.
59. Там же. С. 497.
60. Frankland N. Op. cit. P. 185.
61. Там же. С. 184.
62. Massie. R. Op. cit. P. 489.
63. Там же.
64. Там же. С. 493.
65. Richards G. Op. cit. P. 179.
66. Там же. С. 196.
67. Null G. Op. cit. P. 156.
68. Там же. С. 157-158.
69. Там же.
70. Там же. С. 160-165.
71. Там же.
72. Summers A., Mangold T. Le Dossier Romanov, Paris. 1980. P. 5.
73. Там же. С. 6.

74. Там же.
75. Там же. С. 50.
76. Там же. С. 51.
77. Там же.
78. Там же. С. 49.
79. Там же. С. 7.
80. Там же. С. 49.
81. Там же. С. 52.
82. Там же. С. 59.
83. Там же.
84. Там же. С. 61.
85. Там же. С. 100.
86. Там же. С. 101.
87. Там же. С. 110.
88. Там же. С. 115-120.
89. Там же. С. 120.
90. Там же.
91. Там же. С. 138.
92. Там же. С. 294.
93. Там же. С. 295.
94. Там же.
95. Там же. С. 298.
96. Там же. С. 301.
97. Там же.
98. Там же.
99. Там же.
100. Там же. С. 243.
101. Там же. С. 246.
102. Там же. С. 278.
103. Там же. С. 280.
104. Там же. С. 281.
105. Там же. С. 289.
106. Там же. С. 188.
107. Там же. С. 193.
108. Там же. С. 198, 213, 222, 230, 231.
109. Там же. С. 238.
110. Там же. С. 290.
111. Там же. С. 175-181.
112. Там же. С. 261.
113. Там же. С. 262.
114. Там же. С. 266.
115. Там же. С. 267-270.
116. Там же. С. 6-7.
117. Письма царской семье из заточения. Нью-Йорк, 1974. С. 370.
118. Там же. С. 358.

119. Там же. С. 386.
120. Там же. С. 395-396.
121. Там же. С. 398.
122. Там же. С. 491.
123. Там же. С. 492.
124. Там же. С. 499.
125. Алферьев А. Император Николай II как человек счастливой воли. Джорджанилла, 1987 (издано репринтом. М., 1991). С. 24.
126. Там же. С. 115.
127. Там же. С. 144.
128. Там же. С. 142.
129. Шагайцын К. Правда об убийстве царской семьи. Историко-краеведческий очерк. Джорджанилла, 1981.
130. Там же. С. 65.
131. Там же. С. 96-97.
132. Звезда. 1972. № 8-9; 1973. № 7-10.
133. Касенов М. К. 23 ступени вниз. Ташкент, 1990. С. 15.
134. Там же. С. 30-31.
135. Там же. С. 356.
136. Там же. С. 381.
137. Там же. С. 380.
138. Там же. С. 385.
139. Лепский Н. Последние дни Романовых // Рифей, Челябинск, 1979. С. 93.
140. Лепский Н. Последние дни Романовых // Рифей. Челябинск, 1989.
141. Курочкин Ю. Тобольский узелок. Свердловск, 1985. С. 3.
142. Рабинский Э. Расстрел в Екатеринбурге // Огонек, 1989. № 21; 1990. 2-Рябов Г. Принуждены нас расстрелять // Родина, 1989. № 4-5.
143. Корона и зигзафот. Исторический очерк. М., 1991; Последние дни Романовых. М., 1991; Последние дни последнего царя. М., 1991; Павленов О. Убийство царской семьи. М., 1991.
144. Убийство царской семьи Романовых. Свердловск, 1991; Последние дни Романовых. Свердловск, 1991; Нелен И. Перед расстрелом. Последние письма царской семьи. Омск, 1992.
145. Платонов О. Указ соч. С. 3.
146. Там же. С. 4.
147. Буранова Ю. Хрусталева В. Гибель императорского дома. М., 1992.
148. Иоффе Г. Революция и судьба Романовых. М., 1992.
149. Там же. С. 311.
150. Там же. С. 4.
151. Там же. С. 286.
152. Гриник А. И. Завещание Николая II. Рига, 1993. С. 4.
153. Там же. С. 4, 107-115, 134, 153.
154. Там же. С. 130.
155. Там же.
156. Там же. С. 134.

157. Там же. С. 95.
158. Там же. С. 97.
159. Там же. С. 9.
160. Там же. С. 179.
161. Там же. С. 180.
162. Там же.
163. Там же.
164. Там же. С. 46.
165. Там же. С. 96.
166. Там же. С. 98, 122.
167. Гибель царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве царской семьи (Август 1918-Февраль 1920). Сompil. N. G. Russ. Frankfurt, 1987; Ferro M. Nicholas II. Last of the Tsars. New-York, 1991; Дружинин М. Д. Царская семья. Последний акт трагедии. Москва, 1991; Radzinsky E. The Last Tsar. The Life and Death of Nicholas II. London, Tomlin, Sydney, 1992.
168. Ferro M. Op. cit. P. 242-267.
169. Там же. С. 268.
170. Там же. С. 284.
171. Дружинин М. Д. Царская семья. Последний акт трагедии. Москва, 1991. С. 89.
172. Там же. С. 143.
173. Там же. С. 146.
174. Там же. С. 149-150.
175. Там же. С. 159.
176. Там же. С. 183.
177. Там же. С. 175.
178. Там же. С. 176.
179. Там же.
180. Хайфец М. Цареубийство в 1918 г. Версия преступления и официального следствия. Москва, 1992. С. 14.
181. Radzinsky E. Op. cit. P. 255.
182. Там же. С. 313.
183. Там же. С. 327-337.
184. Там же. С. 258.
185. Там же. С. 259.
186. Там же. С. 345.
187. Там же. С. 415-422.

The Last Act of a Tragedy (New Documents about the Execution of the Last Russian Emperor Nicolas II). Yekaterinhurg, 1996. P. 20-74.